
О.И. Ананьин, Д.В. Мельник

ДИСКУРС О РЫНКЕ
В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Москва
Институт экономики РАН
2025

ББК 65.011+65.02+65.013.7
УДК 330.1

Рецензенты:
д.э.н. П.А. Ореховский,
д. филос. н. А.Я. Рубинштейн

Ананьин О.И., Мельник Д.В. Дискурс о рынке в советской политической экономии. Препринт научного доклада. М.: Институт экономики РАН, 2025 – 53 с.

Доклад посвящен истории советских дискуссий о роли рынка и товарно-денежных отношений в экономике социализма. Выявляются влияние идеологического и научного дискурсов на трактовку рынка в политэкономии социализма, альтернативные подходы к интерпретации товарно-денежных отношений, характерные для ведущих научных школ послесталинского периода, – Института экономики АН СССР, МГУ и ЦЭМИ. Выделяются четыре этапа в осмыслении темы рынка в советский период: эпоха Ленина, приведшая к осознанию необходимости сосуществования плана и рынка; эпоха Сталина, когда рынок воспринимался как враждебное начало, подлежащее подчинению государственной плановой воле; эпоха Косыгина, когда рынок стал рассматриваться как союзник плана, инструмент интенсификации производства; эпоха Горбачева, когда рынок постепенно сделался символом веры, обесценившим прежние дискурсы.

Ключевые слова: политэкономия социализма, план и рынок, товарно-денежные отношения, школа ИЭ АН СССР, школа МГУ, школа ЦЭМИ.

Классификация JEL: B14, B24, P30.

Ananyin O., Melnik D. Discourse on market in the Soviet political economy. Scientific report. M.: Institute of Economics of the RAS, 2025 – 53 p.

The paper is devoted to the history of Soviet discussions on the role of market and commodity-money relations in the socialist economy. The influence of ideological and scientific discourses on interpretations of market in the political economy of socialism are specified, regarding alternative approaches towards commodity-money relations in the leading schools of thought of the post-Stalin period – those of the academic Institute of Economics, of the Moscow state University, and of CEMI (Central Economic Mathematical Institute). Four stages in interpretation of market concept during the Soviet period are differentiated: Lenin's epoch as a period of a radical turn from "market – plan" antinomy to the understanding of necessity of their co-existence; Stalin's epoch, when market was conceived as an inimical element to be subordinated to the planned will of the state; Kosygin's epoch, when market began to be treated as an ally to plan, as an instrument of intensification of production; Gorbachev's epoch when the market gradually became a symbol of faith devaluating all other discourses.

Keywords: political economy of socialism, plan and market, commodity-money relations, Institute of Economics School, MSU School, CEMI School.

JEL Classification: B14, B24, P30.

© Институт экономики РАН, 2025
© Ананьин О.И., Мельник Д.В., 2025
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. О дискурсах советской политэкономии	4
Глава 2. Эпоха Ленина: принуждение к рынку	8
2.1. Социализм как антирынок	8
2.2. Товарное производство и дискуссия о предмете политэкономии	11
2.3. Хозрасчет и субъектность предприятий	14
Глава 3. Эпоха Сталина: курс на усмирение рынка	17
3.1. Теория и политика	17
3.2. Условия овладения рынком	20
3.3. Закон стоимости: преобразованный или ограниченный?	24
Глава 4. Эпоха Косыгина: курс на соглашение с рынком	27
4.1. Интеллектуальная оттепель	27
4.2. Экономическая реформа и страсти вокруг рынка	31
4.3. И все-таки «рыночный социализм»	37
Глава 5. Эпоха Горбачева: подчинение рынку	42
Литература	46

О дискурсах советской политэкономии¹

Советская политическая экономия социализма (ПЭС) — феномен по существу неразгаданный. Читатель, учившийся по современным учебникам экономики, вряд ли найдет в ней что-либо общее с тем, что он привык считать экономической теорией. Отдельные знакомые термины если и обнаружатся в соответствующей литературе, то в необычных и непонятных контекстах, а сами тексты покажутся скорее всего лишенными смысла. Более удачливыми, возможно, будут историки, которые увидят в этих текстах отражение меняющихся политических установок советских лидеров. Наш подход — иной: мы будем рассматривать политическую экономию социализма как особую форму экономического знания и соответствующую ей форму дискурса.

Интересная попытка интерпретации официального советского дискурса была предпринята А.В. Юрчаком (*Юрчак*, 2017), который бросил вызов бинарной «черно-белой» картине советской системы и показал, каким образом в послесталинский период советские граждане воспринимали официальные тексты и почему их номинальное содержание было недостаточным для понимания того, что на самом деле имели в виду люди. Согласно Юрчаку, смерть Сталина оставила вакантной роль верховного арбитра, способного примирить «авторитетный дискурс» с меняющейся реальностью и политической повесткой дня, но не подорвала сам этот дискурс². Он полагает, что в послесталинский период авторитетный дискурс пережил «пер-

-
1. В настоящем докладе использованы фрагменты материалов, опубликованных авторами в ежегодном приложении к журналу *History of Political Economy* (2019), а также подготовленных к публикации в составе коллективной монографии *Reforming Communism, Refusing Capitalism. The Rise and Fall of the Concept of Socialist Market*, ed. by J.M. Kovacs (издательство Lexington Books, forthcoming 2025).
 2. Понятие «авторитетный дискурс» восходит к работе философа и культуролога М.М. Бахтина «Слово в романе» (1934–1935 гг.), в которой он проанализировал неоднородность языка в литературных текстах, вводя разграничение «авторитарного слова», требующего полного и безоговорочного признания, с одной стороны, и «внутренне убедительного слова» — с другой. (*Юрчак*, 2017. С. 53–54; *Бахтин*, 1975. С.154–157).

формативный сдвиг», в результате которого «чем более стандартной и повторяющейся становилась форма авторитетных высказываний и символов, тем менее стандартным и предсказуемым был смысл, который мог соответствовать этой форме в различных контекстах... [В]оспроизводство и распространение неизменных форм авторитетного дискурса приобрело важную роль в формировании советской реальности..., в советской жизни повсюду возникали новые, неожиданные смыслы, интересы, отношения, способы существования, виды субъектности, сообщества и публики — все то, чему авторитетный дискурс способствовал, но что он не был в состоянии полностью описать... Это был активный, творческий процесс, который нельзя свести ни к поддержке, ни к отказу от политических целей и моральных ценностей социалистического общества» (Юрчак, 2017. С. 93, 561).

В центре внимания Юрчака находился рядовой гражданин как участник этих дискурсивных практик. То, как дискурсивный режим был организован и управлялся, осталось за рамками его исследования. В отличие от молодых советских людей, описанных у Юрчака, советские политэкономы выступали соавторами и пропагандистами его формул. Лидеры профессионального сообщества ПЭС чувствовали ответственность за этот свод заповедей советского общества, стремились сделать авторитетный дискурс более актуальным и идеологически привлекательным. Советский официальный дискурс не был ни однородным, ни застывшим. Это была иерархия дискурсов разного уровня авторитетности, включавшая как «жесткое ядро» (атрибут любого авторитетного дискурса), так и более подвижные его компоненты, которые подстраивали общую структуру под новые политические и/ или идеологические вызовы.

Можно выделить три уровня авторитетного дискурса. Первый — собственно идеологический — определял общие принципы движения к коммунизму, согласно идеям Маркса из «Критики Готтской программы» и программным установкам Энгельса и Ленина, подтвержденным формулировками партийных программ. Речь шла о том, что: (а) путь от капитализма к коммунизму включает два перехода: к социализму как начальной фазе коммунизма и от социализма к собственно коммунизму; (б) социализм сменяет коммунизм, устраняя частную собственность на средства производства и рыночную анархию общественной собственностью и плановой экономи-

кой; (в) политический режим первого перехода принимает форму диктатуры пролетариата; (г) социализм отличается от коммунизма принципом распределения доходов: при социализме — по трудовому вкладу, при коммунизме — по потребностям.

Второй уровень — политический. Это текущие программные установки, фиксирующие достигнутые этапы движения к коммунизму: например, декларация Сталина о завершении переходного периода в 1936 г. и заявление Брежнева о развитом социализме в 1971 г. Эти формулы опирались на авторитет действующих политических лидеров и менялись вместе с переменами в политической иерархии. Отстранение Хрущева и замена формулы «непосредственного перерастания социализма в коммунизм» формулой «зрелого социализма» — характерный тому пример.

Третий уровень авторитетного дискурса был представлен официальными высказываниями высокопоставленных партийных функционеров или редакционными публикациями партийных журналов с интерпретацией положений двух первых его уровней. Формально они мало отличались по статусу от академических публикаций, но фактически служили выражением официальной позиции, порой отражая межведомственные разногласия (как в случае с толкованиями экономической реформы 1965 г. Госпланом и ГКНТ).

Академические дискурсы вступали в игру, взаимодействуя с низшими уровнями авторитетного дискурса. Большинство рядовых экономистов вели себя примерно так же, как обычные граждане в книге Юрчака, принимая официальный дискурс как должное и ограничиваясь иллюстрациями его формул или избегая столкновения с ним с помощью нестандартных языковых средств, будь то языки математического моделирования или управленческая лексика. Такая языковая тактика могла содействовать обмену идеями в рамках локальных дискурсивных сообществ, но была недостаточной для внедрения новых идей в практику. В последнем случае требовался их обратный перевод на язык, совместимый с авторитетным дискурсом.

Позиция ведущих советских экономистов находилась между третьим, интерпретационным, уровнем официального дискурса и дискурсами академическими. Для них это была арена интерпретации официальных текстов и одновременно канал влияния на подвижные компоненты официального дискурса. Другими такими

каналами были их непосредственное участие в экспертных группах партийных и государственных учреждений, а также продвижение своих представителей в аппарат руководящих органов.

Пространство для интерпретаций в рамках академического дискурса создавалось благодаря динамизму самой реальности. В начале переходного периода его источником было меняющееся соотношение элементов, унаследованных от капитализма (таких, как частные предприятия и рыночные обмены), и новых элементов общественных отношений – «ростков» нарождающейся социально-экономической системы. Неопределенность в отношении того, какие элементы переходной модели – это лишь временные явления, а какие – строительные блоки будущего общества, оставляла место для плюрализма мнений и, как следствие, различных интерпретаций отдельных положений авторитетного дискурса. Сходная ситуация сложилась и в послесталинскую эпоху, когда отсутствие авторитетного «редактора» позволило школам экономической мысли обыгрывать двусмысленности в определении текущих этапов перехода от социализма к коммунизму для обоснования альтернативных концепций экономических реформ. В этих условиях академические дискурсы разделились на собственно политико-экономический, который рассматривал текущую экономическую политику под углом зрения ее соответствия коммунистическому проекту Маркса, и прагматический, преимущественно краткосрочный, основанный на опыте хозяйственного строительства. Идеологически острые темы, как правило, оставались за рамками последнего или риторически подавались в политически нейтральной форме.

Каждый дискурс имел свою логику и цель, но при этом оба претендовали на взаимную непротиворечивость, что предполагало немалую риторическую изощренность участников. Советские экономисты умели доносить и теоретические, и практические идеи, не нарушая установленного риторического канона. Именно поэтому советские политэкономические тексты нуждаются в расшифровке. Между тем в литературе по истории экономической мысли до сих пор преобладает буквальное прочтение этих текстов. Специфика дискурса ПЭС пока не стала предметом анализа. Данная работа – попытка такого анализа на основе материала многолетних дискуссий о роли товарно-денежных отношений и рынка при социализме.

Эпоха Ленина: принуждение к рынку

2.1. Социализм как антирынок

Октябрьская революция поставила перед большевиками ряд непредвиденных задач, которые в послереволюционных нарративах не афишировались, но неявно определяли ход многих советских интеллектуальных дебатов на десятилетия вперед. Большевики верили в дело революции в России и других странах, но не ожидали конца царизма уже в 1917 г. Они действовали, как будто следуя некоторой теории, хотя на самом деле целостного и проработанного представления о будущем социалистическом обществе у них не было.

В этот период большевики отрицали существование товарного производства и рынка при социализме. Для Маркса «товар» — это экономическая «клеточка» буржуазного общества. Отрицание такого общества было равносильно отрицанию товара. Это было общим местом в большевистской теории и практике. Стандартный послереволюционный образ будущей социалистической экономики представлял нацию как единую фабрику. Н.И. Бухарин и Е.А. Преображенский выразили эту идею в своей «Азбуке коммунизма»: «Общество превращается в громадную трудовую товарищескую артель. Тут нет никакого дробления производства и никакой анархии... [Н]и одно предприятие не борется и не конкурирует с другим, ибо все фабрики, заводы, рудники и прочие учреждения составляют здесь нечто вроде отделений одной всенародной великой мастерской, которая охватывает все народное хозяйство» (Бухарин, Преображенский, 2006 [1920]. С. 445).

Такой взгляд опирался на авторитет *Эрфуртской программы* Социал-демократической партии Германии 1891 г., провозгласившей своей целью «преобразование товарного производства в производство социалистическое, осуществляемое самим обществом и в его интересах» (Das Erfurter Programm, 1891), теорию монополистического капитализма как материальной предпосылки социализ-

ма, развитую Р. Гильфердингом, а также на опыт огосударствления военной экономики, активно внедрявшийся воюющими державами после 1914 г.

В период Первой мировой войны Ленин разделял тезис Гильфердинга об экономической трансформации капитализма, но отверг его политический подтекст, допускавший возможность мирного эволюционного перехода к социализму на основе процессов обобществления в рамках капиталистической экономики. Ленин, очевидно, полагал, что трансформация капитализма зашла так далеко, что переход к «полному планированию» потребовал бы только политического захвата власти. Экономические задачи после установления пролетарской диктатуры казались относительно легкими: «"Близость" *такого* капитализма к социализму должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции...» (Ленин, 1969. Т.33. С. 68)³. По свидетельству Е. Преображенского, «наше понимание краха капитализма в области экономической, несомненно, имело оттенок благодушия и утопизма... Насколько живучи были остатки наших старых представлений о возможности самого широкого использования капиталистического производственного аппарата, указывает тот факт, что даже в 1918 году, т.е. через полгода после пролетарской революции, кое-кто (прошу прощения у Владимира Ильича) выдвигал для Советской России предложение пробежать скоренько стадию государственного капитализма» (Преображенский, 2006 [1920]. С. 362).

Через два года после революции эти иллюзии были подорваны опытом. В 1919 г. Ленин в докладе о проекте программы партии заявил, что в результате войны развитие в России и других странах пошло вспять: от «современного» к «старому» капитализму, с «возвратом к самым примитивным формам товарного производства» (Ленин, 1969. Т. 38. С. 152–153). Бухарин в «Экономике переходного периода» также трактовал гражданскую войну как дальнейшее истощение производительных сил после империалистической войны, но видел в этом расширение возможностей для формирования новых производственных отношений, полагая, что в «ненормальных

3. Здесь и далее ссылки на работы В.И. Ленина, если не указано иначе, приводятся по 5-му Полному собранию сочинений (ПСС), опубликованному «Политиздатом» в 1967–1975 гг.

условиях» понятия экономического анализа уже не могли быть использованы, что «здесь необходимо брать натуральную форму вещей и рабочих сил, в этих единицах вести счет и *самое общество рассматривать как организацию элементов в их натурально-вещественной характеристике*» (Бухарин, 1920. С. 44). Это были попытки оперировать первоначальной доктриной революционной трансформации общества без ее пересмотра, лишь вербально адаптируя ее к обстановке.

Книга Бухарина не осталась без критических откликов. Преображенский, недавний соавтор Бухарина по «Азбуке коммунизма», упрекал его за преувеличение «степени непригодности основных категорий политической экономии для анализа экономических отношений переходного периода», отметив, что в России «9/10 ценностей все еще создается в мелком товарном хозяйстве, и огромная часть производимого и не потребляемого производителем поступает не распределительным органам, а на вольный рынок» (Преображенский, 2006 [1920]. С. 363). Другой критик – М.С. Ольминский – и вовсе назвал книгу «беллетристикой, отражающей настроения части партии к середине 1920 года» (Ольминский, 1990 [1921]. С. 215). Эти настроения отразила дискуссия 1920 г. о натуральном хозяйственном учете на страницах влиятельной газеты «Экономическая жизнь», в рамках которой А.В. Чаянов предложил свой проект неденежной (натуральной) системы учета (Чаянов, 1920 a,b), а С.Г. Струмилин и Е.С. Варга в противовес представили свои версии учета в трудовых единицах⁴.

Между тем победа в Гражданской войне, с одной стороны, и неудачный поход в Польшу, развеявший надежды на мировую революцию, – с другой, в сочетании с очевидной неэффективностью бюрократического аппарата, созданного к 1920 г., настойчиво требовали пересмотра курса, взятого после 1918 г. В декабре 1920 г. Троцкий, один из главных архитекторов мобилизационной политики, заявил, что «мы погибнем, если будем развивать наше хозяйство в ближайшую эпоху старыми методами и в старом темпе» (Троц-

4. Тема неденежного учета не сошла с повестки дня и с введением нэпа. Ни В. Мотылев (Мотылев, 1922) в полемике с Бруцкусом в 1922 г., ни Струмилин в комментариях к переводу брошюры австрийца Лейхтера (Струмилин, 1926) против Мизеса (с его критикой натурального учета) не отказались от поисков учетной единицы на основе трудозатрат.

кий, 1920. С. 35–36). Ленин в феврале 1921 г., за неделю до начала Кронштадтского восстания, признал существование «недовольства общего характера» (Ленин, 1970. Т. 42. С. 349). Страна, истощенная годами тотальной войны и мобилизации, находилась на грани гуманитарной катастрофы: голод 1921–1922 гг. унес миллионы жизней. Результатом кризиса 1921 г. стал переход к нэпу – новой экономической политике, т.е. пересмотр всей стратегии социалистического строительства. Важнейшим уроком стало осознание способности неорганизованного рынка выживать и процветать даже в крайне неблагоприятных условиях «военного коммунизма». Преодолеть стихийность товарного обмена не удалось ни административными, ни военными методами. Целью было уже не подавление товарного производства и рыночного обмена, а организация устойчивого взаимодействия нового социалистического уклада с другими секторами многоукладной экономики.

2.2. Товарное производство и дискуссия о предмете политэкономии

Нэп стал вызовом и для теории социализма. Как согласовать сохранение товарного производства и денег с задачей их уничтожения в переходный период?

Простой ответ на этот вопрос состоял в переопределении продолжительности переходного периода. Сохранение атрибутов капиталистического хозяйства сразу после политической революции в канонических марксистских текстах не отрицалось, а продолжительность переходного периода в них не была регламентирована. Поэтому «продление» переходного периода в программных документах означало, что социализм еще не построен и его теоретическое описание преждевременно применять к фактическому состоянию общества. Поддерживалась стабильность авторитетного дискурса и одновременно сохранялась свобода политического маневра. В разных формах «тезис продолжительности» широко использовался в ПЭС. Его уязвимым пунктом было объяснение механизма функционирования госпредприятий. Несмотря на их ведущую, как предполагалось, роль в экономике, принципы их деятельности – прибыльность, конкуренция – оказывались в зависимости от логики рынка.

Попытка теоретически более «тонкого» объяснения этого противоречия была связана с переосмыслением предмета политической экономии. Вопрос о нем был поставлен в ходе известной дискуссии между так называемыми механистами и идеалистами, которая сыграла важную роль в формировании дискурса политэкономии социализма в 1920-е гг. Эти дебаты выглядели довольно абстрактно, но создавали идейные предпосылки для альтернативных подходов к решению практических задач.

Позиция «механистов» отгалкивалась от предложенного еще Энгельсом разграничения *политической экономии в широком смысле* как совокупности наук о законах отдельных ступеней развития производства и обмена, с одной стороны, и *политической экономии в узком смысле* как теории капитализма в духе Смита и Рикардо – с другой (Энгельс, 1961. С. 150,155). На этом принципе был построен влиятельный «Курс политической экономии» А.А. Богданова и И.И. Скворцова-Степанова (1910), опубликованный еще до революции. Понимая «абстрактный труд» в теории стоимости Маркса как затраты физиологической энергии, «механисты» разграничивали конкретно историческую форму, которую может принимать стоимость (например, при капитализме), и основанный на затратах труда универсальный закон пропорциональности, действующий при любом обществе, включая социализм.

«Идеалисты», в частности И.И. Рубин, полагали, что «абстрактный труд выражает не физиологическое равенство разных видов труда, но социальное уравнение разных видов труда... Абстрактным труд становится постольку, поскольку общественная связь между членами общества осуществляется через обмен и приравнение продуктов самых различных видов труда» (Рубин, 1929. С. 65,128). Отсюда вытекало «узкая» трактовка политэкономии как теории стихийно функционирующей рыночной экономики и вывод о необходимости устранения товарного производства при переходе к социализму.

Накануне революции и сразу после нее большинство марксистских теоретиков поддерживали «узкую» трактовку. Спор возник после доклада И. Степанова (Степанов, 1925) в защиту «широкой» версии, но и тут большинство участников ее отвергло.

Однако в ходе осмысления нэпа «широкая» трактовка политэкономии оказалась востребованной. Теоретически оценивая положение госпредприятий после введения нэпа, Ленин в мае 1921 г. отметил, что «продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром» (Ленин, 1970. Т. 43. С. 275–276)⁵. Мысль о сохранении товара в социалистической экономике в некоторой особой форме, закрепившаяся позже в формулировке «*товар особого рода*», прочно прописалась в дискурсе ПЭС, причем со столь же неопределенным содержанием, что и в первоначальной версии.

На «узкой» трактовке политэкономии базировалась теория двух регуляторов Преображенского (Преображенский, 2008. [1926] С. 92–99) – альтернативная концепция взаимосвязи рынка и плана в переходной экономике. Преображенский полагал, что в советской экономике существуют два основных сектора, действующих на основе конфликтующих между собой законов: стоимости и «социалистического накопления». Антагонизм законов проявлялся как в механизмах функционирования (план и рынок), так и в результатах экономической деятельности (объемах и составе общественного продукта). Согласно Преображенскому, товарное производство в переходный период имеет ту же природу, что и при капитализме, и построение социализма предполагает его полное устранение. Иначе оно будет постоянно порождать капиталистические отношения.

Иными словами, товар в советской системе был, согласно Преображенскому, *товаром как таковым* – явлением, унаследованным от капитализма и остающимся, по сути, тем же самым при новом политическом режиме. По его мнению, речь шла о состоянии, при котором советское государство господствовало скорее политически, чем экономически. Напротив, ленинское определение товара как «не только товара» указывало на возможность возникновения промежуточных форм хозяйственных связей, когда преемствен-

5. Судя по комментариям к книге Бухарина «Экономика переходного периода», подобный взгляд на будущее товарного производства наметился у Ленина уже в 1920 г., когда на тезис, что при общественном регулировании производства «товар превращается в продукт и теряет свой товарный характер» (Бухарин, 1920 С. 134), он заметил: «Неточно. Он превращается не в "продукт", а как-то иначе. *Едва*: в продукт, идущий на общественное потребление не через рынок» (Ленин, 1929. С. 388).

ность материальной формы товарного обмена скрывает изменчивость социального содержания отношений между экономическими агентами.

2.3. Хозрасчет и субъектность предприятий

Вопрос о принципах функционирования государственных предприятий возник сразу после революции. Представление о плановом хозяйстве как единой фабрике создавало иллюзию, что для управления им достаточно его национализации. Уже весной 1918 г. Ленину пришлось объяснять разницу между национализацией и обобществлением (Ленин, 1969. Т. 36. С. 294), чтобы подчеркнуть сложность организационных задач, стоящих перед Советской властью. Но эти разъяснения не выходили за рамки модели госсектора как единой фабрики. Переход к нэпу подталкивал к отказу от такой модели. Ее переосмысление прошло несколько стадий.

Весной 1921 г., при введении нэпа, речь шла прежде всего о способах решения продовольственной проблемы. Нужно было «удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки... [и] расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте» (Ленин, 1970. Т. 42. С. 333). От одноканального механизма изъятия хлеба у крестьян через продразверстку предполагалось перейти к двухканальному механизму: безвозмездному изъятию хлеба через продналог в сочетании с добровольным продуктообменом между национализированной промышленностью и частными крестьянскими хозяйствами, и только на локальном уровне. Это решение означало свободу торговли излишками хлеба и воспринималось как вынужденная уступка капитализму. Как объяснял Ленин, «капитализм есть благо по отношению к... мелкому производству» и «нам необходимо приложить усилия, чтобы *это* развитие капитализма... направить в русло кооперативного капитализма» (Ленин, 1970. Т. 43. С. 226, 229).

К осени 1921 г. оценки ситуации изменились. Ленин назвал нэп «стратегическим отступлением» (Ленин, 1970. Т. 44. С. 158), признав, что оно оказалось более значительным, чем намечалось вначале. «С товарообменом ничего не вышло, частный рынок

оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля—продажа, торговля... Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения» (Ленин, 1970. Т. 44. С. 207—208).

В программу нэпа вошли денежная реформа и вопрос о хозяйственном (коммерческом) расчете госпредприятий.⁶ В январе 1922 г. Ленин отметил неразрывную связь «так называемого хозрасчета» с новой экономической политикой и заявил, что «в ближайшем будущем неминуемо этот тип [организации] станет преобладающим, если не исключительным, [что] фактически означает ... перевод госпредприятий в значительной степени на коммерческие, капиталистические основания» и что требование «безубыточности и прибыльности каждого госпредприятия... неминуемо порождает известную противоположность интересов между рабочей массой и директорами... госпредприятий и ведомствами, коим они принадлежат, ... [и] на профсоюзы... ложится обязанность защиты классовых интересов пролетариата и трудящихся масс против их нанимателей» (Ленин, 1970. Т. 44. С. 342—343).

Надежду на сохранение социалистического вектора развития Ленин теперь связывал исключительно с политической властью и контролем над «командными высотами» в экономике, т.е. на тех же предпосылках, которые Преображенский позже положил в основу теории двух регуляторов.

В последних работах фокус внимания Ленина сместился в сторону *субъективных* предпосылок построения социализма. Принятая модель нэпа, нацеленная на общий подъем экономики за счет стимулов рынка и под контролем пролетарского государства, буксовала из-за неэффективности госаппарата, с одной стороны, и неготовности крестьянской массы к освоению методов организации производства на основе его кооперирования — с другой. Причину в обоих случаях Ленин видел в низкой культуре населения. Внешних стимулов — и рыночных, и административных — оказалось недостаточно: не хватало образованных кадров, внутренне мотивированных на поиск эффективных решений в сложных условиях.

6. Первые решения об управлении предприятиями на началах хозрасчета были приняты в августе 1921 г. (см.: (Сибирев, 1983. С. 392)).

Именно переносу центра тяжести работы с политической борьбы на «культурничество» была посвящена часто цитируемая фраза о «коренной перемене всей точки зрения нашей на социализм» из работы Ленина «О кооперации» (Ленин, 1970. Т. 45. С. 376). Речь шла о путях и темпах движения к социализму, т.е. о переходном периоде, а не концепции социализма, как порой интерпретировали этот тезис. Однако упор на субъектность экономических агентов и уровень их культуры был новым моментом, который не вписывался в образ коммунизма как единой фабрики, все звенья которой — исполнители предписаний сверху. Этим итоговая версия ленинской стратегии построения социализма отличалась от теории двух регуляторов и вносила в советский авторитетный дискурс предпосылки для переосмысления командной модели экономики.

Эпоха Сталина: курс на усмирение рынка

3.1. Теория и политика

Период до конца 20-х гг. был отмечен серией экономических дискуссий: методологическим спором между «идеалистами» и «механистами», полемикой вокруг стратегии экономического развития, главными фигурами которой выступили Бухарин и Преображенский; наконец, дискуссией о методах планирования между «телеологами» и «генетиками» (подробнее см.: (Каким быть плану..., 1989)). Несмотря на различия в тематике, все они выводили на тему рынка. Первая дискуссия ставила вопрос о применимости политико-экономической теории к нерыночным экономикам, вторая — о траектории перехода от нэпа к плановой экономике, третья — о возможности планового воздействия на экономические процессы при сохранении значительного рыночного сектора. Все проблемы были реальными⁷, а позиции основных участников дискуссий различались акцентами, не выходя за рамки общей концепции нэпа, принятой еще при Ленине⁸.

Нэп дал импульс росту экономической активности, но не обеспечивал структуру выпуска, необходимую для ускоренной индустриализации и создания материально-технической базы социализма. Общим было понимание, что резервы ускорения роста скрыты в деревне, и споры шли о том, как их мобилизовать. Теория, основанная на предпосылке конкурентного рынка, мало подходила для обсуждения такой проблемы. Преображенский в сфере политики и

7. Советские дискуссии 1920-х гг. о стратегии развития были важным шагом к формированию особого раздела науки — «экономики развития» (см.: (Erllich, 1950; Boianovsky, 2021)).

8. В 1925 г. Бухарин резюмировал эту концепцию так: «Наши прежние представления заключались в том, что мы считали возможным почти сразу достигнуть планового хозяйства. Наши теперешние представления иные. Мы захватываем главные командные высоты...; а затем наше государственное хозяйство разными путями... постепенно втягивает отсталые экономические единицы разными методами в свою собственную организацию, причем продельвается это, как правило, через рынок» (Бухарин, 1988 [1925]. С. 128).

«телеолог» Струмилин в планировании шли от целевых установок⁹. Преображенский (Преображенский, 2008. С. 138,144) анализировал возможные каналы перераспределения ресурсов, Струмилин полагался на балансовый метод, чтобы выявлять количественные параметры таких перераспределений. Их оппоненты-«генетики» отталкивались от начального состояния, предупреждая, что расчеты «телеологов» слабо обоснованы и недооценивают объективные трудности предвидения динамики ключевых параметров роста (см., например (Кондратьев, 1989 [1927])), в частности степень зависимости развития государственного сектора от накоплений в несоциализированных секторах (см.: (Бухарин, 1988 [1925], 1988 [1928])).

По времени эти дебаты совпали с периодом борьбы за власть в правящей партии между Сталиным и его конкурентами, среди которых были и участники этих дискуссий.

Борьба идей стала инструментом борьбы за власть. В октябре—декабре 1927 г. партийные документы следовали бухаринской стратегии, и XV съезд РКП(б) отверг приписываемую троцкистской оппозиции «сверхиндустриалистическую» точку зрения (КПСС..., 1984. Т. 4. С. 292)¹⁰. В документах съезда, казалось, намечалась согласованная программа экономической политики, укреплявшая авторитет Бухарина. Однако год спустя оказалось, что это был лишь тактический маневр в борьбе за власть. Вопреки решениям съезда, Сталин взял курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства, в приверженности к которому совсем недавно обвинял Троцкого и «левую оппозицию». В ответ Бухарин использовал свое положение редактора «Правды» для публикации в сентябре 1928 г. своих «Записок экономиста» с косвенной критикой позиции Сталина в отношении планирования и индустриализации. Это была последняя вплоть до 1956 г. критика в его адрес, опубликованная в партийной прессе. В результате кампании против «правого уклона» Бухарин был в 1929 г. выведен из состава руководящих органов партии.

9. Хозяйственный план, по словам Струмилина, «предвидит» не то, что будет, а то, что может и должно случиться при известном напряжении воли хозяйствующего коллектива» (Струмилин, 1989 [1928]. С. 66).

10. Одной из жертв этой кампании стал Е.А. Преображенский, который в 1927 г. был обвинен в пособничестве троцкизму и исключен из партии, а в 1937 г. — казнен. В результате в течение нескольких десятилетий прямые ссылки на его труды были под запретом.

Сталин вышел победителем в борьбе за власть, но, в отличие от Бухарина, не считался в то время авторитетом в области теории (см.: *Опенкин*, 1991. С. 113–114)). В конце 1929 г. он воспользовался теоретическими дискуссиями для «исправления» такого положения, выступив с двумя крупными заявлениями по экономическим вопросам.

В декабре 1929 г. Сталин обошелся без прямой конфронтации с Бухариным, и, прикрывшись авторитетом Ленина, лишь процитировал его критические заметки на полях книги Бухарина 1920 г., весьма кстати опубликованные в том же 1929 г. (*Сталин*, 1949 [1929]. С. 148). Это было виртуозное упражнение в политической риторике. Сталин критиковал Бухарина, сталкивая его позицию конца 1920-х гг., когда он выступал за опору на «экономические законы» и возражал против курса на сворачивание нэпа, с реакцией Ленина на книгу Бухарина периода «военного коммунизма», когда последний отрицал само существование таких законов при социализме.

Казалось бы, эта критика в сочетании с инвективами против идеи «спонтанного», «автоматического» перехода к социализму, которую он называл «гнилой» и «антиленинской», предполагала твердую «антитоварную» позицию Сталина (там же. С. 153–155). Однако в феврале 1930 г. в письме слушателям партийного университета Сталин расставил акценты иначе: «Известную фразу в моей речи на съезде аграрников-марксистов надо понимать так, что мы «отбросим нэп к черту», когда уже не будем нуждаться в допущении известной свободы частной торговли..., когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через свои торговые организации, без частной торговли с... ее допущением известного оживления капитализма» (*Сталин*, 1949 [1930]. С. 186–187).

Это разъяснение оставляло простор как для теоретических толкований, так и для политического маневрирования. Сталин показал студентам, что переход от теории к политике — занятие рискованное, способное привести к «правому» либо «левому» уклону. Свое письмо Сталин завершил жестким ответом на вопрос о теоретических спорах:

«Мне кажется, что в спорах между экономистами имеется много схоластического и надуманного... Основные ошибки

спорящих сторон состоят в следующем: а) ни одна из сторон не сумела применить как следует метод борьбы на два фронта: как против «рубинизма», так и против «механицизма»; б) обе стороны отвлеклись от основных вопросов советской экономики и мирового империализма в область талмудизированных абстракций, убив, таким образом, два года работы на отвлеченные темы, конечно, в угоду и к выгоде наших врагов» (там же. С. 190).

Это была политическая установка, адресованная ученым. 1930 год стал рубежом, когда советская политическая экономия была окончательно встроена в возникшую структуру власти.

3.2. Условия овладения рынком

Сворачивая нэп на практике, Сталин не отказывался от его идеологических установок. Резолюции XVII партконференции (1932 г.) обличали «антибольшевистский характер «левой» фразы о переходе к «продуктообмену» и об «отмирании денег» уже на данном этапе строительства социализма» (КПСС, 1984. Т. 5. С. 397), а в докладе XVII съезду Сталин выступил за «организацию развернутой *советской торговли ... без капиталистов [и] спекулянтов*», заверив, что «деньги останутся у нас еще долго, вплоть до завершения первой стадии коммунизма» (см.: (Сталин, 1951 [1934]. С. 340–343)).

Два выступления Сталина в 1929–1930 гг. приостановили теоретические дебаты в советской политэкономии, но отнюдь не сформировали теоретической основы, которая бы соответствовала как теории Маркса, так и фактам советской действительности. Сталин сам косвенно это признал в своем пожелании экономистам: «Выделить специальную группу работников для разработки проблем экономики переходного периода в новой их постановке на нынешнем этапе развития» (Сталин 1949 [1929]. С. 172).

Типичным способом согласования авторитетного дискурса с реальной политикой служили манипуляции с понятиями формы и содержания. В 1931 г. развернутое обоснование такого подхода предпринял Н.А. Вознесенский. Прежний довод, что сохранение

закона стоимости в советской экономике обусловлено сосуществованием обобщественного и необобщественного секторов, становился в условиях форсированной индустриализации и коллективизации все менее убедительным, и Вознесенский предложил новое объяснение: «Обобщественный сектор использует товарную форму и в своих собственных пределах... . [Для него – это] лишь форма контроля и учета (хозрасчет) или одна из форм воздействия на мелкотоварный сектор (торговля)», в целом не «имманентная» социалистическим производственным отношениям (*Вознесенский*, 1979 [1931]. С. 22–24). Позже сложилась более лаконичная формулировка: «Обращение советских товаров (и соответственно денег) выражают совершенно иные производственные отношения. Это преимущественно отношения между пролетарским государством и колхозным крестьянством... или между государством в целом и единичным рабочим» (*Вознесенский*, 1979 [1935]. С. 283).

Формулировки типа «товарно-денежные отношения с новым содержанием» или «товар особого рода» отражали факт отличия советской экономики от рыночной экономики классического типа, описанной Рикардо и Марксом, но мало что говорили о реальном экономическом механизме, сложившемся в СССР. Их можно было понимать и как номинальные обозначения элементов плановой системы – антипода рынка, и как признак незрелости плановой экономики, допускающей сохранение элементов рыночных отношений. Это был идеологически приемлемый нарратив для легитимации уже проводимой политики, не противоречивший перспективе уничтожения денег, записанной в партийной программе 1919 г.

Подоплека столь амбивалентного отношения к товарно-денежным отношениям приоткрылась в ходе подготовки известного учебника «Политическая экономия». Процесс его написания длился почти два десятилетия и проходил под прямым патронажем Сталина¹¹. Вопрос об учебнике возник не случайно. В 1930-е гг. шел

11. Подробнее о процессе подготовке учебника см. (*Опенкин*, 1991), а также мемуары Д.Т. Шепилова (*Шепилов*, 2001) как участника событий. Об историческом контексте вовлеченности Сталина в обсуждение макета учебника в начале 1950-х гг. см. (*Хлевнюк, Горлицкий*, 2011. С. 193–198).

быстрый процесс расширения университетской системы, подчиненного задачам индустриализации. Приоритет имели технические и инженерные программы. Ситуация изменилась в 1936–1938 гг., когда авторитетный дискурс пополнился декларацией Сталина о «построении социализма в основном¹²», а практика преподавания общественных наук, в частности политической экономии, была признана «неудовлетворительной». Виновниками были объявлены «враги народа» среди управленцев, курирующих университеты. Курс политэкономии был введен как обязательный для всех направлений, а в крупных советских вузах стали создаваться экономические факультеты.

Значение, которое Сталин придавал работе над учебником, он объяснил на одной из последних встреч с его авторским коллективом в 1950 г.:

«Первое, старшее поколение большевиков было теоретически подковано. Мы зубрили «Капитал», конспектировали, спорили, друг друга проверяли. В этом была наша сила. Это нам очень помогло. Второе поколение менее подготовлено. Люди были заняты практической работой, строительством. Марксизм изучали по брошюрам. Третье поколение воспитывается на фельетонах и газетных статьях. У них нет глубоких знаний. Им надо дать пищу, которая была бы удобоварима. Большинство из них воспиталось не на изучении работ Маркса и Ленина, а на цитатах. Если дело дальше так пойдет, то люди могут вырождаться. В Америке рассуждают: все решает доллар, зачем нам теория, зачем наука? И у нас так могут рассуждать: зачем нам «Капитал», когда социализм строим. Это грозит деградацией, это – смерть» (Сталин, 2012b [1950]).

Важнейшим событием в процессе работы над учебником была встреча в январе 1941 г. Сталина в сопровождении ряда членов политбюро ЦК с группой экономистов, участвовавших в проекте. Именно тогда он выразил свою озабоченность по поводу теоретических установок авторов, касающихся роли закона стоимости при социализме. Сталин отверг содержащийся в проекте тезис, что «закон стоимости преодолен»:

12. О теоретических коллизиях, связанных со сталинской декларацией 1936 г., см. дискуссионную статью А.Б. Любина (Любинин, 2021).

«Неверно, что мы командуем ценами, хотим командовать, но не получается. Для того чтобы командовать ценами, надо иметь громадные резервы, обилие товаров и только тогда мы сможем диктовать свои цены. А пока есть рынок нелегальный, рынок колхозный, существуют рыночные цены [...] Нет, далеко не по всем товарам мы можем диктовать цены. Для этого надо много, очень много производить. Гораздо больше, чем сейчас» (*Беседа И.В. Сталина, 2012а [1941]*).

«Преодоление закона стоимости», т.е. рынка, Сталин понимал как достижение монопольного положения на нем. Это было новым взглядом на проблему, причем взглядом поначалу непубличным, известным лишь узкому кругу соратников. Однако в 1943 г., в разгар войны, в журнале «Под знаменем марксизма» была опубликована статья о проблемах преподавания политической экономики (Некоторые вопросы..., 1943), которая фактически представляла собой обобщение материалов январской встречи 1941 г. Вышедшая без указания авторства¹³, что было признаком ее официального статуса, статья вызвала широкий резонанс в стране и за рубежом.¹⁴

По вопросу о рынке и законе стоимости ключевой тезис Сталина на встрече с экономистами был сформулирован в статье близко к оригиналу:

«В советской экономике фактически существуют два рынка и два рода цен... Между организованным рынком, находящимся в руках советского государства, и рыночной стихией идет борьба. Чтобы овладеть всем рынком, целиком, чтобы иметь возможность полностью диктовать цены на рынке, советское государство должно располагать... огромными резервами по всем видам товаров» (Некоторые вопросы..., 1943. С. 73–74).

Иными словами, рынок в советской экономике объективно существует, и цель государства — овладеть им и диктовать

13. Устная история советской политэкономии приписывает авторство статьи Л.А. Леонтьеву, что подтверждается списком его работ в архиве: (АРАН. Ф.1723. Оп.1. Л.4: <http://isaran.ru/?q=ru/person&guid=5E11F9DF-32C3-E5DA-962C-FC85AC2115B2>).

14. Переводы статьи были опубликованы в ведущем американском журнале *American Economic Review* (Teaching, 1944) и в марксистском журнале *Science and Society* (Leontiev, 1944).

на нем цены. Признание этого факта, как и утверждение, что «в социалистическом обществе продукт труда является товаром», сопровождалось в статье оговоркой об отсутствии в таком товаре противоречий товара капиталистического и общим выводом, что «при социализме... действует он в преобразованном виде» (там же. С. 75). Фактически, это было признанием того, что неорганизованный, стихийный рынок, пусть и в скованном варианте, по-прежнему существует и что ресурсов для контроля над ним все еще не хватает.

3.3. Закон стоимости: преобразованный или ограниченный?

После войны работа над учебником продолжилась. Ее кульминацией стала экономическая дискуссия 1951 г. вокруг макета учебника. Тема закона стоимости оказалась в центре внимания, а ее обсуждение обнажило накопившиеся проблемы. Руководитель авторского коллектива К.В. Островитянов резюмировал дискуссию констатацией «большого разнобоя среди советских экономистов в объяснении причин существования закона стоимости в СССР» (Формирование..., 2017. С. 360), а Л.А. Леонтьев, один из главных авторов учебника, признал, что «изложение вопроса о законе стоимости при социализме в макете страдает путаницей, эклектичностью и той элементарной логической ошибкой, которая известна под названием порочного круга» (там же. С. 366). Разрешать противоречия в авторитетном дискурсе мог только верховный арбитр¹⁵.

Сталин отреагировал «Замечаниями по экономическим вопросам», составившими основную часть брошюры «Экономические проблемы социализма в СССР» (Сталин, 1952). Он отмежевался от волюнтаристской тенденции подменять объективные факторы социально-экономического развития формами политической или плановой деятельности¹⁶. Это имело прямое отношение к трак-

-
15. Характерны вопросы к Сталину в ходе последней встречи с авторским коллективом, например: «Правильно ли называть средства производства "товарами особого рода"»? (Островитянов); «Как понимать категорию прибыли в СССР?» (Переслегин) и т.п. (см.: Беседа И.В. Сталина..., 2012с). Их авторы понимали, что не смогут отстоять свои версии ответа без поддержки авторитетного арбитра.
16. В ходе дискуссии 1951 г. предлагалось, например, считать план «основным законом развития экономики» (Формирование..., 2017. С. 220).

товке закона стоимости. Сталин решительно отверг формулу 1943 г. о действии этого закона при социализме «в преобразованном виде»: «Нельзя «преобразовывать» законы, да еще «коренным образом»... Хотя формула о преобразовании законов давно уже вошла у нас в обиход, придется от нее отказаться в интересах точности» (там же. С. 9). Взамен он предложил формулу об «ограничении сферы действия закона стоимости» (там же. С. 21), объяснив ее стандартной ссылкой на отсутствие частной собственности и нетоварный характер труда.

Там же Сталин постулировал «правильное» объяснение причины наличия товарного производства при социализме:

«В настоящее время у нас существуют две основные формы социалистического производства: государственная – общенародная, и колхозная, которую нельзя назвать общенародной. В государственных предприятиях средства производства и продукция производства составляют всенародную собственность... Это обстоятельство ведет к тому, что государство может распоряжаться лишь продукцией государственных предприятий... [К]олхозы не хотят отчуждать своих продуктов иначе как в виде товаров, в обмен на которые они хотят получить нужные им товары. Других экономических связей с городом, кроме товарных, кроме обмена через куплю-продажу, в настоящее время колхозы не принимают» (там же. С. 16).

Такой ответ на идеологический вызов не был новым и мало отличался, например, от процитированной выше формулировки Вознесенского 1935 г. Подобные мысли обсуждались и в ходе дискуссии 1951 г., порой критически. В частности, В.П. Дьяченко указывал на «слабое место этой концепции», которая «не объясняет действие закона стоимости между [государственными предприятиями и внутри их] или объясняет это как навязанное извне, а стало быть, государственному хозяйству внутренне не присущее» (Формирование..., 2017. С. 240). Сталин отреагировал на этот довод пометкой «чепуха» (там же), но в «Ответе т-щу Ноткину, Александру Ильичу» посвятил этой теме несколько страниц, которые убеждали скорее авторитетом автора, чем аргументами.

Так или иначе, теоретические основы раздела учебника по политической экономии социализма были заложены: ключ к про-

блеме товарного производства при социализме был назван. У Сталина имелись все основания быть довольным. По его словам, «дела в экономике шли неплохо», а учебник должен был дать краткое дидактическое изложение системы, которую он построил и которой руководил почти три десятилетия. Он умер в марте 1953 г. Коллектив авторов остался исполнителем его воли. Учебник вышел в свет в 1954 г., и в нем почти дословно были воспроизведены его слова и его видение.

Эпоха Косыгина: курс на соглашение с рынком

4.1. Интеллектуальная оттепель

Когда учебник вышел из печати, политические изменения уже начались. Приближалась интеллектуальная оттепель. В 1956 г., после XX съезда КПСС, рухнул фундамент, на котором был построен этот труд, – авторитет Сталина. Учебник утратил ореол непогрешимости: теперь авторам пришлось защищать его, чтобы не скомпрометировать собственный статус, а оппонентам открылась возможность для критики и поиска альтернатив.

Товарно-денежные отношения снова оказались в центре споров. По воле Сталина в учебнике объяснялось их сохранение при социализме юридически – тем, что обмен продуктами происходит между различными собственниками (см.: *Островитянов*, 1954. С. 319)). За этой формулой скрывалась идея, что сохранение товарного производства обусловлено недостаточностью ресурсов (резервов) для монопольного контроля государства над рынками. Соответственно, государство отвечало за жизнеспособность только госпредприятий, но не кооперативов. Взамен последние имели право доступа к «колхозным рынкам», цены на которых регулировались менее жестко и должны были реагировать на рыночные импульсы. Отсюда вытекал вывод: «Если потребительские продукты, являющиеся товарами, имеют стоимость, то средства производства, не являющиеся товарами, имеют форму товара и стоимости, используемую в целях калькуляции, учета и контроля» (там же. С. 323). Будущее по-прежнему ассоциировалось с образом «единой фабрики»:

«На высшей фазе коммунизма с исчезновением товарного производства исчезнут стоимость с ее формами и закон стоимости. Количество труда, затраченного на производство продуктов, будет измеряться... не через посредство стоимости и её форм, как это происходит в условиях товарного производства, а прямо и непосредственно количеством рабочего времени, израсходованного на производство продуктов» (там же. С. 406).

Вскоре это объяснение товарного производства было поставлено под сомнение. Отношения между колхозами и госпредприятиями юридически мало чем отличались от отношений между госпредприятиями — преобладающим типом экономических отношений в стране. В обоих случаях поставки сырья, комплектующих, готовой продукции или услуг опосредовались денежными переводами и фиксировались в соответствующих балансах каждого предприятия.

На крупных конференциях, состоявшихся в Институте экономики АН СССР в мае 1957 г. (Закон стоимости и его использование ..., 1959) и на экономическом факультете МГУ в январе 1958 г. (Цаголов, 1959), большинство докладчиков признали средства производства товарами. В результате в третьем издании учебника (1960 г.) сохранилась лишь уклончивая формула про «товарное производство особого рода», наличие которого при социализме опять, как и в редакционной статье 1943 г., объяснялось разнородным набором факторов (см: *Правоторов*, 1974. С. 163)).

Первые попытки включить в эту теоретическую схему отношения между госпредприятиями были основаны на расширении сферы действия принципа, согласно которому влияние закона стоимости различается по секторам экономики. В учебнике утверждалось:

«Сфера действия закона стоимости при социализме распространяется прежде всего ... на обмен товаров — главным образом предметов личного потребления. В этой области закон стоимости сохраняет за собой в известных пределах роль регулятора ... В наибольшей степени регулирующая роль закона стоимости сказывается на колхозном рынке, где цены складываются на основе спроса и предложения, причем движение цен влияет на размеры и структуру товарооборота колхозного рынка... Закон стоимости оказывает воздействие и на социалистическое производство, причем это воздействие не является определяющим» (*Островитянов*, 1954. С. 446).

Иными словами, регулирующее воздействие закона стоимости связывалось со степенью его неподконтрольности государству, его стихийности. Эту логику и стали развивать ведущие теоретики. Так, Я.А. Кронрод в 1960 г. классифицировал «товарные отношения» на четыре группы, включив в их число «наиболее планомер-

ную» группу — отношения между государственными предприятиями (*Кронрод*, 1960. С. 144). Н.А. Цаголов в докладе на конференции 1957 г. также полагал, что закон стоимости влияет на распределение общественного труда, и дифференцировал характер его действия. В колхозах максимизация денежного дохода влияет на производственную структуру, тогда как на госпредприятиях, где такая структура задана планом, закон стоимости сказывается лишь на ассортиментной структуре продукции, которую предприятие может корректировать с учетом доходности на рынке (Закон стоимости и его роль ..., 1959. С. 166–167).

С тем, что закон стоимости, основанный на игре спроса и предложения, может играть активную роль в социалистической экономике, соглашались далеко не все. Отрицательный ответ строился на предположении, что возможные диспропорции между спросом и предложением должны выявляться заранее и учитываться в плане. Такая позиция была характерна и для тех, кто не признавал самого существования товарного производства при социализме (И.С. Малышев, В.А. Соболев), и для академического большинства, которое признавало его лишь при уточняющих условиях, что оно «социалистическое», «планомерное», «имманентное», «особого рода» и т.п. (Г.А. Козлов, А.И. Пашков и др.).¹⁷ Идеологически такой взгляд базировался либо на отождествлении стоимостных отношений с универсальным императивом пропорциональности видов экономической деятельности (в духе идей «механистов» 1920-х гг.), либо на постулате, что все товарное производство поставлено под контроль плановых органов. В прагматическом плане, идея «товара без рынка» отражала учетную функцию стоимости, отрицая прежние надежды на переход к натуральному учету.

В этих же рамках на рубеже 1950–1960-х гг. шли интенсивные теоретические дискуссии о принципах ценообразования с участием ведущих советских экономистов-математиков В. Немчинова, Л. Канторовича, А. Лурье и др. Идея заключалась в том, чтобы

17. Заметим, что между спорами «товарников» и «антитоварников» и характером предлагавшихся реформ прямой связи не было. Так, один из лидеров «антитоварников» И.С. Малышев выступал за радикальный проект реформы цен, основанный на законе стоимости и прагматической формуле «цены производства» (см.: *Малышев*, 1960), тогда как «товарник» Ш.Я. Турецкий, ведущий специалист по ценообразованию, принимал сложившуюся систему цен и предлагал лишь частные меры по ее совершенствованию (см.: *Турецкий*, 1959).

рассчитать и внедрить цены, которые создадут основу для рационального хозяйствования.

Между тем проблема лежала в иной плоскости. Первоначальная модель социалистической экономики как единой фабрики состояла из трех основных элементов: государственной собственности на средства производства, централизованного планирования и стимулирования на основе распределения по труду. Опыт добавил еще один элемент: хозрасчетные предприятия. Поначалу хозрасчет противопоставлялся коммерческому расчету, и предприятия рассматривались как звено в административной иерархии. Однако ожидание, что планирование избавит экономику от стихийности, порождаемой рыночной координацией задним числом, не учитывало других факторов неопределенности в экономике, будь то фундаментальная неопределенность будущего или субъективные ошибки людей. В результате планы часто оказывались нереалистичными и нестабильными, а основанные на них стимулы для предприятий — ложно ориентированными. Предприятия были заинтересованы в занижении показателей, а плановые органы — в их завышении. Конфликт интересов в сочетании с асимметричной информацией о возможностях предприятий способствовал дальнейшему искажению информационных потоков в системе планирования. При сталинском режиме такие искажения воспринимались как «буржуазные извращения», призванные «подорвать государственно-плановый учет и контроль» (Вознесенский, 1979 [1931–1932]. С. 87). Только в атмосфере послесталинской «оттепели» стала звучать мысль, что это явление отражает системную проблему. В 1955 г. Е.Г. Либерман, один из инициаторов экономической реформы 1960-х гг., отметил, что «материальное стимулирование действует сдерживающим образом в области всемерного вскрытия резервов производства, [и] в связи с этим на главки и министерства возлагается трудная, а подчас непосильная задача: определять из центра, каковы реальные возможности предприятия, каков должен быть его план» (Либерман, 1955. С. 39). Предприятиям все настойчивее стали вменяться функции, которые никак не вписывались в образ простого исполнителя планового задания. От них ожидали инициативности и технического прогресса, но для этого им явно не хватало субъектности.

Иначе говоря, вопрос о положении предприятия не сводился к задаче изживания товарного производства как реликта прошлого. Это был вопрос экономической теории социализма, который требовал увязки с программным дискурсом.

4.2. Экономическая реформа и страсти вокруг рынка

В первой половине 1960-х гг. изменения в программном дискурсе действительно произошли, но оказались противоречивыми. В новой программе КПСС 1961 г. было записано, что «построение коммунистического общества стало непосредственной практической задачей советского народа», и это, кроме прочего, подразумевало перспективу «изживания» товарно-денежных отношений (Материалы..., 1961. С. 366,387). Почти одновременно, но уже в рамках прагматического дискурса, получила развитие иная тенденция, связанная с подготовкой хозяйственной реформы. Ее необходимость была продиктована снижением темпов роста и социальными волнениями, кульминацией которых стали протесты в Новочеркасске в 1962 г. Курс на реформу предполагал децентрализацию управления и повышение роли прибыли в хозяйственной деятельности, что ассоциировалось с товарно-денежными отношениями. Обе тенденции имели мощную политическую поддержку и нашли выражение в официальных текстах, что не могло не вызвать «определенную раздвоенность теоретического мышления,» отразившуюся «на осуществлении идей программы в экономической политике» (Черковец, 1989. С. 75). Совместить эти установки стало вызовом для ПЭС.

Образ экономики как единой фабрики решению этой задачи не способствовал. Требовалось создать условия, при которых «экономические интересы предприятия совпадали с экономическими интересами народного хозяйства» (Трапезников, 1964). Для этого нужно было изменить характер отношений между государством и предприятиями. Экономической функцией государства должно было стать формирование среды, стимулирующей хозрасчетные предприятия действовать в соответствии с целями плана. Проектирование такой среды вышло на первый план в дискуссиях, сопровождавших экономические реформы в тогдашних соцстранах, вклю-

чая «косыгинскую реформу» 1965 г. в СССР. Как писал один из ее архитекторов, академик В.С. Немчинов, «[в]ся система экономических рычагов должна быть отрегулирована через нормативы длительного действия и цены таким образом, чтобы предприятиям было выгодно выполнять директивы и контрольные цифры народнохозяйственного плана» (Немчинов, 1965 [1964]. С. 68).

Такую систему можно назвать квазирыночной, поскольку ее составляющие имитировали такие рыночные параметры, как цены, процентные ставки, рентные платежи и нормативные требования к распределению доходов. Как признавал Н.П. Федоренко, «[п]оскольку эти цены балансируют спрос и предложение, они по своему экономическому назначению выполняют функции "рыночного" или товарно-денежного механизма, используемого для установления оптимальных пропорций. В этой связи можно говорить о наличии... механизма, внешне напоминающего "рыночный"» (Федоренко, 1968. С. 37). Свою рассуждения на эту тему он сопровождал характерной оговоркой: «[т]ермин "товарно-денежный механизм", может быть, не столь удачен. Вероятно, лучше и правильнее употреблять термин "ценностной механизм". Этим подчеркивается связь цены с народнохозяйственным критерием оптимальности и с категорией общественной полезности» (там же. С. 30).

Ассоциация с рынком не могла не вызывать вопросов со стороны идеологов. С точки зрения дихотомии «рынок или командование» субъектность предприятия (или его «относительная обособленность» — в терминах того времени) могла восприниматься как ревизионизм и отступление от социализма. Такая реакция и в самом деле имела место — как среди политэкономов-ортодоксов¹⁸, так и у немарксистских советологов, но поначалу оставалась мало заметной. Ситуация обострилась после подавления Пражской весны в 1968 г. Экономическая реформа в Чехословакии переплелась с реформами политическими, усилив опасения советской политической элиты, что модернизация экономической системы может угрожать

18. Характерный пример такой реакции — монография Н.А. Моисеенко и М.В. Попова (*Моисеенко, Попов, 1975. С. 66, 86*), по мнению которых «стихийность будет уничтожена и заменена целесообразностью, сознательностью, планомерностью лишь в том случае, если плановые показатели охватят все важнейшие пункты, стороны и моменты воспроизводства». Об отступлении от классиков предостерегали также (в остальном непохожие) марксисты, как Ш. Беттельхейм (1970) во Франции, Че Гевара (2010) на Кубе, Н.В. Хессин (1968) в МГУ.

политической стабильности. В результате «косыгинская реформа» была фактически свернута, а сама идея «совершенствования экономического механизма» была жестко отделена от проектов «рыночного социализма», против которого была развернута идеологическая кампания. В 1970-е гг. критика «рыночного социализма» стала своего рода ритуалом, обязательным для всех активных участников дискуссий на экономические темы (Солодков и др., 1983 [1968]; Кронрод, 1970; Федоренко, 1980).

Однако аргументы большинства критиков «рыночного социализма», адресовались оппонентам, которых не так-то просто было найти. Объектом критики была классическая рыночная экономика с полным набором товарных и факторных рынков, формирующих структуру производства в процессе конкурентной борьбы. Плану в таких концепциях отводилась функция прогнозирования траектории развития, которая под воздействием этих рынков складывалась. Например, В.В. Новожилов свою критику «так называемого рыночного социализма» направил против «схемы, при которой цены определяются рынком, а об оптимизации можно думать только в смысле приближения к рыночному равновесию» (Новожилов, 1972 [1970]. С. 401). Цаголов определял основную идею «рыночного социализма» как «перевод всего процесса воспроизводства на товарные отношения» (Научные основы..., 1972. С. 193). Однако никто из участников советских дискуссий подобных проектов не предлагал.

При Брежневе программный авторитетный дискурс стал менее амбициозным. Хрущевская формула «немедленного перехода к коммунизму» сменилась в 1971 г. доктриной «развитого» социализма. Новая формула преследовала двойную цель: декларировала прогресс в продвижении к коммунизму, но предупреждала, что цель не так близка, как обещал Хрущев. Дискурсивные рамки для оценки товарно-денежных отношений сузились: была решительно отвергнута идея «рыночного социализма», с одной стороны, и снят с актуальной повестки дня императив «преодоления товарно-денежных отношений» — с другой.

К середине 1960-х гг. общественный запрос на обновление экономической теории социализма наиболее активно восприняли три ведущие научные школы. Первая — под руководством Я.А. Кронрода — сложилась в Институте экономики АН СССР (школа ИЭ);

вторая — под руководством Н.А. Цаголова — на экономическом факультете Московского государственного университета (школа МГУ); третья — в зарождавшемся тогда Центральном экономико-математическом институте АН СССР (школа ЦЭМИ), сначала (до 1964 г.) во главе с В.С. Немчиновым, затем — Н.П. Федоренко (1917–2006).¹⁹

Кронрод (ИЭ АН СССР) предпринял попытку предельно ослабить связь товарно-денежных отношений с вопросом о переходе к коммунизму. Он предложил пересмотреть официальную «хронологию» этого перехода, введя понятие «коммунистической эры» как «бесконечной цепи... коммунистических способов производства» (Кронрод, 1971. С. 84). Социализм в этом контексте определялся как «самостоятельный способ производства», со своими стадиями развития и «своей системой экономических законов», в рамках которой товарно-стоимостная форма экономических связей выступала одним из его постоянных признаков (там же. С. 97–99).

Н.А. Цаголов (МГУ) занял противоположную позицию. Не отрицая необходимости экономической реформы, он обратил внимание на связанный с ней риск недооценки долгосрочной нетоварной перспективы. Тезис о социализме и коммунизме как двух фазах одного способа производства предполагал, по его мнению, необходимость единой теории, в которой базовая теоретическая структура включала бы элементы, общие для обеих фаз, а товарно-денежные отношения вводились бы как логически вторичный фактор. «В онтологическом плане, — пояснял Цаголов, — социалистический способ производства является коммунистическим способом производства, не может быть отдельного социалистического способа производства. Однако в гносеологическом плане сегодня мы имеем основание говорить лишь о социалистическом способе производства. Но каковы бы ни были границы нашего познания, коренные черты коммунистического способа производства даны нам в основе социалистического способа производства» (Цаголов, 1982 [1970]. С. 195).

При всех различиях в методологии и идеологических приоритетах теоретические подходы двух школ имели важные

19. Разумеется, эти научные школы не были ни идентичны соответствующим институтам, ни ограничены их стенами. Так, активные соратники школы ЦЭМИ работали в Новосибирске (группа А.Г. Аганбегяна), а школа МГУ имела близких союзников в Одессе (группа А.К. Покрытана).

сходства. Во-первых, это были поиски экономической системы, которая отличалась и от сложившейся советской модели, и от рыночных экономик западного типа. Во-вторых, в обоих случаях речь шла о дуальных моделях социалистической экономики, в которых плановые и рыночные механизмы выполняли свои функции в рамках общей системы.

Концепция Кронрода предполагала сосуществование двух принципов координации, или, в его терминах, двух (прямых и косвенных) типов экономических связей, соединяющих звенья экономической системы. Под прямыми связями он понимал неэквивалентное распределение факторов производства и большей части прибавочного продукта (особенно новых инвестиций) между государственными предприятиями и внутри них, а также установление общих регуляторов экономической деятельности. Косвенные связи подразумевали возмездные товарно-денежные обмены между госпредприятиями, а также с субъектами иных форм собственности, через которые шли все материальные потоки, в том числе и предписанные центром. Для стимулирования активности агентов эти обмены предполагались эквивалентными, т.е. компенсирующими затраты и допускающими дополнительные прибыли за счет дополнительных усилий. Плановые показатели фиксировались на уровне отрасли (подотрасли), тогда как детальная структура выпуска формировалась через механизм товарно-денежных договорных отношений. Кронрод был осторожен в своей риторике, определяя «товарную форму производства и оборота продуктов труда» как «*дополнительную* форму включения индивидуального и коллективного труда в общественный» (Кронрод, 1966. С. 389). Но в этих теоретических рамках он развивал свою практическую программу на формирование рыночных отношений, в частности, оптовой торговли средствами производства (Кронрод, 1970. С. 59–65).

Цаголов и его коллеги выводили свою концепцию из триады исторических стадий в рукописях Маркса: «личная зависимость» — «личная независимость, основанная на вещной зависимости» — «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов» (Маркс, 1968 [1857]. С. 100–101). Плановая экономика относилась к третьей стадии, преодолевающей ограни-

ченность как вещных (т.е. товарных) отношений, так и отношений личной зависимости. По мнению Цаголова, речь шла об «открытии новой формы хозяйства (в отличие от товарного и натурального) – планового» (К вопросу об оптимальном планировании, 1981. С. 8). Другой представитель школы МГУ В.В. Куликов разъяснял, что «экономическая самостоятельность хозяйственных подразделений... неизбежно сохранится и после отмирания товарно-денежных отношений... Планомерность, идя на смену товарно-денежным отношениям, снимает, воспринимает, органически включает в себя ряд специфических черт этих отношений. Она имеет общее не только с натуральной, но и с товарной формой хозяйства» (Куликов, 1971. С. 111–112).

Такой подход дистанцировался от образа единой фабрики как целевой модели и представлял советскую экономику как двухуровневую структуру, последовательно плановую на народнохозяйственном уровне и сочетающую плановые и реальные товарно-денежные отношения на уровне предприятий. Для Цаголова, в отличие от Кронрода, «сам по себе факт возмездной передачи [продукта другому предприятию] свидетельствует только о наличии товарной *формы*, а не действительных отношений товарного производства». Последние предполагают, что «производители могут изменять структуру производства» (Товарно-денежные отношения..., 1971. С. 50). Перспективу развития плановой экономики теоретики школы МГУ связывали с преобразованием реальных рыночных отношений в механизмы децентрализованного принятия решений, ориентированных на социально согласованные цели. Их опасения в отношении рынка были связаны не с тем, что реформа заставляла предприятия на микроуровне реагировать на стимулы, порождаемые рыночным спросом, а с тем, что последние могли подменить критерии формирования структуры производства на макроуровне. «Для рождения социализма как общественной формы производства, – отмечал Цаголов, – важно... вырвать из-под власти закона стоимости распределение общественных средств производства и труда по отраслям общественного производства» (Цаголов, 1972. С. 73–74). Эти опасения послужили толчком к развертыванию исследований образа жизни и его динамики (см.: (Капустин, 1976)).

4.3. И все-таки «рыночный социализм»

В свете попыток теоретического обоснования хозяйственного механизма, сочетавшего планомерное формирование основных народнохозяйственных пропорций с пространством для проявления субъектности предприятий, заслуживает внимания тенденция к сближению позиций школ МГУ и ЦЭМИ²⁰. При сохранении методологических разногласий обе школы разделяли идею, что социалистическую плановую экономику следует противопоставлять не только рыночной экономике, но и прежнему образу единой фабрики. Обе школы в схожих терминах рассматривали отношения между предприятиями, которые в идеале должны строиться не на натуральных командах или сигналах постфактум о возникших диспропорциях, а на ценностных параметрах, определяющих как централизованные, так и децентрализованные решения. В более конкретных терминах эта идея обычно подразумевала некую систему оптимального планирования.

Активными приверженцами такого сближения выступали Н.И. Шехет из МГУ и группа политэкономов из Института экономики во главе с Ю.В. Сухотиным и О.С. Пчелинцевым, которые перешли в ЦЭМИ в 1971 году из-за столкновения с Кронродом по вопросам применения математических методов в экономической теории.

Изначально подход ЦЭМИ вырос из оптимизационной модели, разработанной Л.В. Канторовичем. Она связывала экзогенно заданную целевую функцию (глобальный критерий оптимальности) с системой теневых цен («объективно обусловленных оценок»), создающих среду для предприятий, в которой их локальные критерии согласованы с целевой функцией. Эти оценки интерпретировались как предельные приращения функции цели, вызванные дополнительными единицами соответствующих факторов. Таким образом, они не были ни стоимостями в марксистских терминах, ни ценами, основанными на субъективной полезности частных лиц. Немчинов даже отметил этот момент в популярной брошюре о принципах реформы 1965 г.:

20. Выделение школ по названию организаций не означает, разумеется, что к ним относились все члены соответствующих научных коллективов.

«В основе эффективного использования ... экономических рычагов лежит система общественных оценок. Сейчас она выступает в виде различных категорий стоимости, но в процессе приближения к коммунизму система общественных оценок, конечно, будет меняться..., должна быть создана система экономических оценок, гораздо более совершенная, чем существует сегодня. Она сможет использовать всю массу прогрессивных кибернетических и экономических методов и всю мощь электронной вычислительной техники, чтобы определять наиболее эффективные способы ведения хозяйства...» (Немчинов, 1965. С. 48).

Одной из главных претензий к модели Канторовича со стороны плановиков и политэкономов было использование предельных величин, которые традиционно ассоциировалось с субъективной школой предельной полезности. Цаголов стал первым известным политэкономом, признавшим правомерность применения принципа предельных затрат при расчете плановых цен (см.: (Цаголов, 1968. С. 48–50)). Это было важным шагом к взаимопониманию со школой ЦЭМИ.

В свою очередь, ряд возражений к первоначальным версиям теоретической концепции ЦЭМИ — «системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ)» — снимались в процессе ее развития. Так, сторонники СОФЭ согласились с тем, что оптимальные цены, будучи полезными для стимулирования деятельности предприятий, неприменимы в отношении «крупных народнохозяйственных мероприятий, оказывающих существенное влияние на структуру всего общественного производства» (Федоренко, 1980. С. 102). Более гибкой со временем становилась методологическая база школы ЦЭМИ: была осознана недостаточность опоры только на оптимизационные модели, которые не учитывают «в явном виде те процессы взаимодействия экономических агентов, в ходе которых согласуются их собственные целевые установки, их имманентные интересы» (Введение в теорию..., 1983. С. 203).

Перекликались подходы двух школ и в понимании товарно-денежных отношений. Так, один из лидеров школы ЦЭМИ С.С. Шаталин прямо заявил о своем «присоединении по этому вопросу к Н.А. Цаголову» (Шаталин, 1982. С. 239), имея в виду тезис последне-

го, что реальность товарных отношений определяется их способностью влиять на производственные решения предприятий.

Но именно идея сочетать рыночное саморегулирование на локальном уровне с плановым формированием базовых пропорций на макроуровне лежала в основе моделей социализма, выдвинутых в межвоенный период рядом западных экономистов, наиболее известными из которых были польский социалист Оскар Ланге и американский кейнсианец Абба Лернер. Концепция, позже названная «рыночным социализмом», поначалу была всего лишь абстрактным теоретическим упражнением (*Barone, 1935 [1908]*). Однако в 1930-е гг. она получила развитие как реакция на критику Л. Мизесом идеи плановой экономики и проектов натурального хозяйственного расчета. Речь шла уже о разработке целостной модели социалистической экономической системы, опирающейся в определенной степени на саморегулирующие свойства рыночного механизма.

В отличие от утопических проектов XIX в., воплощавших мечту о справедливом рынке, модель Ланге – Лернера и концепция ЦЭМИ были разработаны в рамках теории общего равновесия как особые интерпретации экономики благосостояния. Модель Ланге имела две версии: децентрализованную модель общего равновесия, в которой распределение ресурсов определяется предпочтениями потребителей, и централизованную оптимизационную модель, в которой такое распределение «определяется целями и оценками бюрократии, отвечающей за управление экономической системой» (*Lange, 1936. Pp. 60–71*). Теоретики ЦЭМИ применяли оба типа моделирования как взаимодополняющие аналитические инструменты (*Введение в теорию..., 1983. С. 202–207*).

В отличие от более поздних и более радикальных проектов рыночной трансформации, ни модель Ланге, ни теория СОФЭ не предполагали полноценного, спонтанно действующего рыночного механизма. В обоих случаях поведение предприятий должно было определяться экономической средой, находящейся под контролем планового органа, и ключевая роль в этой среде принадлежала расчетным ценам. В моделях Ланге такие цены относились ко всем товарам (централизованная версия) или ко всем товарам, кроме потребительских (децентрализованная версия). Даже в децентрали-

зованной модели Ланге, которая предполагала свободу потребительского выбора и выбора рода занятий, эти выборы были ограничены «значительной свободой общества в вопросах распределения доходов» (Lange, 1936. P. 61).

Одно из отличий советских проектов экономической реформы касалось прямых натуральных заданий, которые, в отличие от модели Ланге, пусть и с оговоркой, ограничивающей их масштабы, обычно в них предусматривались. Однако у Ланге это несоответствие частично компенсировалось другими допущениями. Так, он предполагал, что норма накопления капитала будет определяться «"корпоративно", до распределения национального дохода между индивидами», т.е. решением плановых органов (ibid. Pp. 61,65). Имелось также в виду, что менеджеры предприятий – как государственные служащие – будут ориентироваться не на максимизацию прибыли, а следовать предписанным правилам, определяющим комбинацию факторов производства и масштаб выпуска (ibid. P. 61).

Во многом формальным было и расхождение между двумя концепциями в вопросе о регулировании капиталовложений. У Ланге, по крайней мере в его децентрализованной модели, инструментом такого регулирования была ставка процента, а в теории СОФЭ в центре внимания был вопрос о величине нормативного коэффициента эффективности инвестиций. Однако оба инструмента выполняли однотипные функции, а сами инвестиции на локальном уровне, подлежавшие распределению с помощью этих инструментов, играли второстепенную роль. Для оценки крупных проектов и долгосрочных инвестиций рыночные цены и оценки на основе стандартных оптимальных моделей в обоих случаях признавались недостаточными.²¹

Наиболее существенными выглядят различия двух моделей в части механизмов оплаты труда. Ланге применительно к своей децентрализованной модели постулировал существование «подлинного рынка (в институциональном смысле этого слова) потребительских товаров и услуг труда» (ibid. Pp. 60–61). В советском официальном дис-

21. Так, согласно В.А. Волконскому, «при планировании на далекую перспективу вероятнее всего характеристики производства и потребления для всего общества в целом должны определять изменения цен и системы распределения, чем наоборот» (Волконский, 1973. С. 143). См. также: (Lange, 1936. P. 65; Федоренко, 1980. С. 102).

курсе отрицание рынка труда было непременным условием легитимного обсуждения товарно-денежных отношений при социализме и, соответственно, одним из оснований идеологической кампании против «рыночного социализма». Теория связывала социализм с принципом распределения по труду, который заменяет распределение по цене товара рабочей силой. Различие между двумя принципами было проведено Марксом в «Критике Готской программы», где само распределение по труду квалифицировалось как принцип буржуазного права, но разграничивались две формы его реализации: «в среднем» — при капитализме, и в «каждом отдельном случае», без расхождения между практикой и принципом, — при социализме (см.: (Маркс, 1961 [1875]. С. 19)). Это представление опиралось на достаточно успешный, хотя и дорогостоящий, опыт борьбы с безработицей в экономиках советского типа. В СССР большинство работников, покидавших свои рабочие места, действительно имели хорошие шансы найти новые. Однако этот факт свидетельствовал скорее об отсутствии *равновесия* на рынке рабочей силы, чем об отсутствии самого рынка. В действительности этот рынок труда был даже более свободным, чем рынки других факторов производства. Рабочие и служащие — за редким исключением — имели право на увольнение и пользовались им достаточно свободно. Это явление, известное как «текучесть рабочей силы», изучалось в основном социологами. В знаменитом «Новосибирском манифесте» Т.И. Заславская писала о «возникшем в последние годы дефиците труда в большинстве отраслей и регионов страны, [который] способствовал расширению свободы экономического поведения трудящихся» (Заславская, 2007 [1983]. С. 16).

В целом главная идея СОФЭ, как и концепции школы МГУ, — создание экономической среды, формируемой из центра и допускающей применение механизма рыночного саморегулирования на локальном уровне с целью согласования интересов локальных звеньев с целями общества — совпадает с изначальной идеей «рыночного социализма», а большая часть теоретических дискуссий периода «косыгинской реформы» и последующих лет не выходила за рамки двух вариантов модели Ланге. Отличия этих дискуссий были обусловлены преимущественно более высоким уровнем абстракции в концепции Ланге, прежде всего, отсутствием в ней локальных звеньев, обладающих субъектностью.

Эпоха Горбачева: подчинение рынку

В 1970-е гг. реформаторская деятельность потеряла политическую поддержку, но дебаты о совершенствовании хозяйственного механизма при социализме продолжались в основном в том же ключе, что и прежде (см., например (*Федоренко*, 1983)). Новый импульс к переосмыслению устоявшихся догм возник в 1983 г., когда Ю.В. Андропов бросил вызов советским обществоведам, заявив, что «мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические» (*Андропов*, 1983. С. 294). Ответы на этот вызов появились позже, уже в период перестройки. В эти годы события развивались быстро, и академические дискуссии часто отставали от политических изменений. Их динамика определялась не столько притоком новых идей, сколько сменой команд, разрабатывавших и продвигавших программы реформ (см., например (*Шматко*, 2005)).

Вначале экономическая программа М.С. Горбачева строилась на идее ускорения технического прогресса, почти не касаясь вопросов хозяйственного механизма. В команде Горбачева не было единства в отношении стратегии развития. Все были согласны, что необходима децентрализация управления экономикой, но целевые модели не совпадали, отражая различия в более широких идейно-политических установках. Было ясно, что рыночные механизмы — фактор, реально влияющий на экономику. Но одни рассматривали их как угрозу, другие — как рычаг, полезный для ее оздоровления.

Первый этап обсуждения экономических реформ начался с конференции в ноябре 1986 г. (*Аганбегян*, 1987) и завершился на пленуме ЦК в июне 1987 г., когда было объявлено о начале «радикальной экономической реформы» (до этих событий само слово «реформа» было под подозрением). Идейная основа предложений по реформе мало отличалась от дискуссий, предшествовавших реформе 1965 г., о чем свидетельствовала ссылка Горбачева на статью Нем-

чинова (Неминов, 1965 [1964]. С. 68), разъяснявшую ее замысел. Речь шла о самофинансировании предприятий, оптовой торговле средствами производства, реформе цен. Термин «рынок» не использовался ни в материалах конференции 1986 г., ни в документе, одобренном пленумом. Лишь в докладе Горбачева промелькнули слова о «планомерном овладении и управлении рынком с учетом его законов» (Горбачев, 1987. С. 45).

В 1986–1989 гг. в атмосфере гласности возникли условия для более открытого выражения мнений. Это был период, когда сама перспектива социалистического развития перестала быть априорным постулатом, а «социалистический выбор» уже не сводился к вариантам экономики советского типа. Обозначились как радикальные позиции, так и тенденция к поиску компромиссных решений, причем и среди приверженцев социализма, и среди сторонников рынка. Так, В.В. Куликов (Куликов, 1986. С. 19) из школы МГУ поддержал прорыночную идею об освобождении предприятий от ответственности за трудоустройство уволенных работников, которая еще годом ранее не прошла бы цензуру, а убежденный противник маркетизации проф. А.А. Сергеев согласился, что хозяйственный механизм должен состоять из различных «режимов хозяйствования», сочетающих план и рынок в разных пропорциях, и только один из них — «стратегический эшелон», ответственный за научно-технические прорывы, — должен работать в режиме директивного планирования (Сергеев, 1989. С. 41–42).

Взвешенные взгляды на цели реформы высказывали и будущие лидеры радикальных реформ. Так, в монографии С.С. Шаталина и Е.Т. Гайдара целевая модель экономической системы строилась на идее разделения *рыночного функционирования* и *планового развития*. «Объективные условия развития народного хозяйства СССР, — отмечали авторы, — ограничивают предел хозрасчетных фондов развития производства средствами, необходимыми для осуществления простого воспроизводства» (Шаталин, Гайдар, 1989. С. 84). Позже, незадолго до запуска реформ, Гайдар повторил свою мысль со ссылкой на метафору Кейнса о финансовых рынках как разновидности казино (Гайдар, 1990. С. 191).

В 1989 г. в официальный дискурс вошла формула «полнокровный социалистический рынок», прозвучавшая в докладе Горба-

чева на I Съезде народных депутатов (Горбачев, 1989. С. 452). Это было началом короткого периода, когда «рыночный социализм» под ярлыком «социалистический рынок» вошел в политическую повестку дня. Правда, к этому времени эпитет «социалистический» стал уже предельно расплывчатым.

В феврале 1990 г. появилась новая формула — «плано-рыночная экономика». Споры вокруг реформы переплелись с проблемой экономического кризиса. Для реформаторов, которые понимали, что такое состояние неблагоприятно для реформ, это стало серьезной проблемой. Политическая ситуация предоставляла долгожданное окно возможностей для реформ, тогда как дисбалансы в экономике оставляла мало шансов на их успех. Экономическую реформу стали изображать не как общественную цель, а как часть стабилизационной программы.

Черту под партнерством социализма и рынка подвели документы последнего съезда КПСС (июль 1990), в которых термины «социализм» и «рынок» употреблялись уже раздельно. Не нашлось места для упоминания «социализма» и в известной «Программе 500 дней» (см.: *Шаталин и др.*, 1990)). Как следовало организовать этот «развод», было сказано в еще одном аналитическом докладе, опубликованном тем же летом 1990 г. группой экономистов во главе с А.Б. Чубайсом. Авторы поддержали «базовые идеи концепции "большого скачка"», несмотря на их «ближайшие социальные последствия» в виде «общего снижения уровня жизни, роста дифференциации доходов, возникновения массовой безработицы», и взывали к «мерам прямого подавления по отношению к представителям партийно-хозяйственного актива» и постановки под контроль идеологов реформы «всех центральных средств массовой информации» (Жестким курсом, 1990. С. 15–18).

После распада Советского Союза дебаты о примирении рынка и социализма потеряли политическую актуальность. Советский социализм капитулировал перед рынком и перестал существовать. Наиболее живучими оказались авторитарные черты советской системы, которые позже возродились и в ряде других постсоциалистических обществ. Крах советской системы обрушил советскую экономику, а заодно и советскую политэкономии, что спровоцировало даже мысли о конце истории и идеологии.

Вскоре после публикации знаменитой статьи Ф. Фукуямы (*Fukuyama*, 1989) о конце истории Милтон Фридмен косвенно ответил на нее прогнозом, что «темы, которые рассматривались [сто лет назад и теперь] — труд, деньги, история мысли и социализм — будут в той или иной форме представлены [и сто лет спустя]» (*Friedman*, 1991. Р. 39). Прогноз Фридмена оказался точнее. Рынок без социализма существует, но число его недоброжелателей велико и, похоже, растет. После крушения Вашингтонского консенсуса и глобального финансового кризиса 2008 г. поиск модели посткапиталистического будущего вернулся в повестку дня. История непростого партнерства социализма и рынка несет в себе уроки, которые могут уберечь от возможных ошибок в этих поисках. Главный из них заключается в том, что каким бы ни было видение будущего, оно требует жизнеспособного плана перехода к нему, рассчитанного на поколения вперед. Советский проект был относительно успешным как модель догоняющего развития, но не проявил политической и культурной гибкости при столкновении с новыми вызовами инновационного роста. Это значит, что впереди новые поиски лучшей модели общества и новые попытки угадать его вероятный образ.

Литература

1. Андропов Ю.В. Речь на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 года / Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1983. С. 284–299.
2. «Анти-Дюринг» Фридриха Энгельса и актуальные проблемы политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: МГУ, 1981.
3. Бахтин М.М. Слово в романе. (1934–1935) // Вопросы литературы и эстетики. 1975. С. 72–233.
4. Беседа И.В. Сталина по вопросам политической экономии. Запись 29 января 1941 г. / Исторический архив. 2012а. № 4. С. 6–13. <https://istmat.org/node/26299>
5. Беседа И.В. Сталина по вопросам политической экономии. Запись 24 апреля 1950 г. // Исторический архив. 2012б, №4. С. 14–18. <https://istmat.org/node/26302>
6. Беседа И.В. Сталина по вопросам политической экономии. Запись 15 февраля 1952 г. // Исторический архив. 2012с. №4. С. 23–28. <https://istmat.org/node/26304>
7. Богданов А.А., Степанов И.И. Курс политической экономии. Т. 1. СПб.: Знание, 1910.
8. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Москва: Госиздат, 1920.
9. Бухарин Н.И. О новой экономической политике и наших задачах [1925] / Избр. произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 122–145.
10. Бухарин Н.И. Заметки экономиста [1928] / Избр. произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 391–418.
11. Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. [1920]. Азбука коммунизма / Преображенский Е.А. Архивные документы и материалы: 1886–1929 гг. М.: Издательство Главархива Москвы, 2006. С.416–598.
12. Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики / Под ред. Н.П. Федоренко и др. М.: Наука, 1983.
13. Вознесенский Н.А. К вопросу об экономике социализма [1931–1932] / Избр. произведения. 1931–1947. М.: Политиздат, 1979. С. 59–139.

14. *Вознесенский Н.А.* Хозрасчет и планирование на современном этапе [1931] / Избр. произведения. 1931–1947. М.: Политиздат, 1979. С. 14–49.
15. *Вознесенский Н.А.* О советских деньгах [1935] / Избр. произведения. 1931–1947. М.: Политиздат, 1979. С. 280–299.
16. *Волконский В.А.* Принципы оптимального планирования. М.: Экономика, 1973.
17. *Гайдар Е.Т.* Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука, 1990.
18. *Горбачев М.С.* О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой / Материалы Пленума ЦК КПСС. 25–26 июня 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 6–70.
19. *Горбачев М.С.* Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР / Доклад на I Съезде народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Политиздат, 1989. С. 435–471.
20. Жестким курсом. Аналитическая записка по концепции перехода к рыночной экономике в СССР (фрагмент) // Век XX и мир. 1990. № 6. С. 15–19.
21. Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве / Под ред. д-ра экон. наук Я.А. Кронрода. М.: Госполитиздат, 1959.
22. Закон стоимости и его роль при социализме / Вст. ст. и ред. Н.А. Цаголова. М.: Госпланиздат, 1959.
23. *Заславская Т.И.* О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии («Новосибирский манифест») [1983] / Избранное. Т. 2. Трансформационный процесс в России. М.: Экономика, 2007. С. 11–32.
24. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов / Сост. Э.Б. Корицкий. Л.: Лениздат, 1989.
25. *Капустин Е.И.* Социалистический образ жизни: экономический аспект. М.: Мысль, 1976.
26. *Кондратьев Н.Д.* План и предвидение [1927] / *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 91–134.
27. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 4 (1926–1929). М.: Политиздат, 1984.
28. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 5 (1929–1932). М.: Политиздат, 1984.

29. Кронрод Я.А. Деньги в социалистическом обществе. М.: Госфиниздат, 1960.
30. Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма: очерки, методологии и теории. М.: Мысль, 1966.
31. Кронрод Я.А. Закон стоимости и социалистическая экономика. М.: Наука, 1970.
32. Кронрод Я.А. К вопросу о социалистическом способе производства и стадиях его развития // Известия АН СССР. Серия экономическая. 1971. № 3. С. 82–99.
33. Куликов В.В. Планомерность и товарно-денежные отношения как специфические формы ведения общественного хозяйства / Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства / Н.А. Цаголов, В.Н. Черковец, Н.И. Шехет; под ред. Н.А. Цаголова. М.: МГУ, 1971. С. 100–112.
34. Куликов В.В. Товарно-денежные отношения в концепции ускорения // Коммунист. 1986. № 12. С. 11–22.
35. Ленин В.И. Государство и революция / ПСС. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 1–120.
36. Ленин В.И. «Левом» ребячестве и о мелкобуржуазности / ПСС. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 283–314.
37. Ленин В.И. Доклад о партийной программе 19 марта [1919] / ПСС. Т. 38. М.: Политиздат, 1969. С. 151–173.
38. Ленин В.И. Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян [8.02.1921] / ПСС. Т. 42. М.: Политиздат, 1970. С. 333.
39. Ленин В.И. Речь на собрании партийного актива Москвы, 24 февраля [1921] / ПСС. Т. 42. М.: Политиздат, 1970. С. 348–350.
40. Ленин В.И. О продовольственном налоге [21.04.1921] / ПСС. Т. 43. М.: Политиздат, 1970. С. 205–245.
41. Ленин В.И. Наказ СТО местным советским учреждениям. Проект [май 1921] / ПСС. Т. 43. М.: Политиздат, 1970. С. 266–291.
42. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов [17 октября 1921] / ПСС. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 155–175.
43. Ленин В.И. Доклад о новой экономической политике [29 октября 1921] / ПСС. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 193–213.

44. Ленин В.И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики [январь 1922] / ПСС. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 341–353.
45. Ленин В.И. О кооперации / ПСС. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 369–377.
46. Ленин В.И. Замечания на книгу Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода» / Ленинский сборник. Т. XI. Москва-Ленинград, 1929. С. 345–403.
47. Либерман Е.Г. Хозяйственный расчет и материальное поощрение работников промышленности // Вопросы экономики. 1955. №6. С. 34–44.
48. Любинин А.Б. Из истории советской политической экономии социализма: «ловушка Сталина» // Российский экономический журнал. 2021. №2. С. 91–123.
49. Мальшиев И.С. Общественный учет труда и цена при социализме. М.: Соцэкгиз, 1960.
50. Маркс К. Критика Готской программы [1875] / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 9–32.
51. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. М.: Политиздат, 1968.
52. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961.
53. Моисеенко Н.А., Попов М.В. Демократический централизм – основной принцип управления социалистической экономикой. Л.: Лениздат, 1975.
54. Мотылев В. Об основных проблемах экономической теории социализма // Красная новь. 1922. №4. С. 193–206.
55. Научные основы управления социалистическим производством / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Экономика, 1972.
56. Некоторые вопросы преподавания курса политической экономии // Под знаменем марксизма. 1943. №7–8. С. 56–78.
57. Немчинов В.С. Социалистическое хозяйство и планирование производства [1964] / О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством. 2-е изд. М.: Экономика, 1965. С. 49–73.
58. Немчинов В.С. О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством [1964]. 2-е изд. М.: Экономика. 1965.

59. Новожилов В.В. Внутривзаводской хозяйственный расчет в системе оптимального планирования [1970] / Новожилов В.В. Проблемы измерения затрат и результатов в оптимальном планировании. М.: Наука, 1972. С. 397–417.
60. Ольминский М. О книге т. Н. Бухарина [1921] / Бухарин Н.И. Избр. произведения. М.: Экономика, 1990. С. 208–215.
61. Опенкин Л.А. И.В. Сталин: последний прогноз будущего. Из истории написания «Экономических проблем социализма в СССР» // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 113–128.
62. Островитянов К.В. и др. Политическая экономия. Учебник. М.: Политиздат, 1954.
63. Перестройка управления экономикой: проблемы, перспективы / Л.И. Абалкин, Н.Я. Петраков, Е.Г. Ясин; под ред. Н.П. Федоренко. М.: Экономика, 1989.
64. Правоторов Г.Б. Стоимостные категории и способ производства (проблемы теории и методологии). М.: Мысль, 1974.
65. Преображенский Е.А. О новой книжке Н.И. Бухарина [1920] / Преображенский Е.А. Архивные документы и материалы: 1886–1929 гг. М.: Изд-во ГЛАВАРХИВА Москвы, 2006. С. 360–363.
66. Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика: 1922–1928 гг.). М.: Изд-во ГЛАВАРХИВА Москвы, 2008. С. 7–561.
67. Программа КПСС // Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. С. 320–428.
68. Реформа управления экономикой: проблемы и поиск. / Под ред. А.Г. Аганбегяна. М.: Экономика, 1987.
69. Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. 4-е изд. М.; Ленинград: Госиздат, 1929.
70. Сергеев А.А. Проблемы обновления экономической теории социализма и концептуальные варианты радикальной перестройки // Экономические науки. 1989. № 3. С. 37–45.
71. Сибирев А.И. Хозяйственный расчет / История политической экономии социализма / Науч. ред. Д.К. Трифионов, Л.Д. Широкоград. 2-е изд. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 391–430.
72. Солодков М., Дзарасов С., Цаголов Н. Хозяйственная реформа и некоторые вопросы политической экономии социализма // Вестник Московского университета. 1968. Серия 6. Экономика. № 1. (Цит. по: Цаголов Н.А. Вопросы теории

- производственных отношений социализма. М.: МГУ, 1983. С. 186–197).
73. *Сталин И.В.* К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. [1929] / Сочинения. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1949. С. 141–172.
 74. *Сталин И.В.* Ответ товарищам свердловцам [1930] / Сочинения. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1949. С. 184–190
 75. *Сталин И.В.* Отчетный доклад XVII съезду партии [1934] // Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. С. 282–379.
 76. *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952.
 77. *Степанов И.* Что такое политическая экономия? // Под знаменем марксизма. 1925. № 1–2. С. 156–190.
 78. *Струмилин С.Г.* Предисловие / *Лейхтер О.* Хозяйственный учет в социалистическом обществе. М.: Экономическая мысль, 1926. С. 3–5.
 79. *Струмилин С.Г.* К теории планирования [1928] // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Л.: Лениздат, 1989. С. 54–77.
 80. Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства / Н.А. Цаголов, В.Н. Черковец, Н.И. Шехет; под ред. Н.А. Цаголова. М.: МГУ, 1971.
 81. *Трапезников В.А.* За гибкое экономическое управление предприятиями // Правда. 1964.17.08.
 82. *Троцкий Л.Д.* Хозяйственное положение республики и основные задачи восстановления промышленности 12 января 1920 г. / Соч. Т. 15: Хозяйственное строительство Советской республики. М.; Ленинград, 1927.
 83. *Турецкий Ш.Я.* Очерки планового ценообразования в СССР. М.: Госполитиздат, 1959.
 84. *Федоренко Н.П.* О разработке системы оптимального функционирования экономики. М.: Наука, 1968.
 85. *Федоренко Н.П.* Вопросы оптимального функционирования экономики. М.: Наука, 1980.
 86. *Федоренко Н.П.* Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на 1986–2005 гг. Раздел 3.7. Проблемы совершенствования пла-

- нирования и управления народным хозяйством. М.: АН СССР и ГКНТ СССР, 1983.
87. Формирование теоретических представлений о социализме в СССР: Всесоюзная экономическая дискуссия (1951) / Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг. Сост.: В.В. Журавлев и Л.Н. Лазарева. М.: РОССПЭН, 2017. С. 187–444.
88. Хессин Н.В. В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М.: МГУ, 1968.
89. Хлевнюк О.В., Горлиухий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011.
90. Цаголов Н.А. К вопросу об оптимальном планировании / Дискуссия об оптимальном планировании / Сост. А.Я. Казакевич, Л.В. Левшин. М.: Экономика, 1968. С. 43–50.
91. Цаголов Н.А. О методе изучения собственности в политической экономии, сущности социалистического производства и товарных отношениях при социализме // Вестник Московского Университета. 1972. № 2. С. 66–84.
92. Цаголов Н.А. Вопросы методологии и системы политической экономии. М.: МГУ, 1982.
93. Цаголов Н.А. Вопросы теории производственных отношений социализма. М.: МГУ, 1983.
94. Чаянов А. Проблема хозяйственного учета в социалистическом государстве // Экономическая жизнь. 1920а. № 225; 231.
95. Чаянов А. Субстанция ценности и система трудовых эквивалентов // Экономическая жизнь. 1920б. № 247.
96. Черковец В.Н. Эволюция взглядов на товарно-денежные отношения // Плановое хозяйство. 1989. № 1. С. 69–78.
97. Шаталин С.С. Функционирование экономики развитого социализма. Теория, методы, проблемы. М.: МГУ, 1982.
98. Шаталин С.С., Гайдар Е.Т. Экономическая реформа: причины, направления, проблемы. М.: Экономика, 1989.
99. Шаталин С.С. и др. Переход к рынку. Концепция и программа. М., 1990.
100. Шетилов Д. Непримкнувший. М.: Вагриус, 2001.
101. Шехет Н.И. Труд — материальная основа экономических отношений // Вопросы экономики. 1975. № 2. С. 102–112.

102. Шматко Н.А. 'Топосы' российской экономической реформы: от ортодоксального марксизма к радикальному либерализму / Социология под вопросом. М.: Праксис, С. 149–184.
103. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 5–368.
104. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.:НЛО, 2017.
105. Barone E. The Ministry of production in the collectivist state // Hayek F.A. (ed.). Collectivist Economic Planning, L.: Routledge & Kegan Paul, 1935 [1908]. Pp. 245–90.
106. Bettelheim Ch. Calcul économique et formes de propriété. Paris: Maspero, 1970.
107. Boianovsky M. Evsey Domar and Russia. Duke University. CHOPE Working Paper, 2021. No. 2021-08.
108. Che Guevara E. Critical Notes on Political Economy: A Revolutionary Humanist Approach to Marxist Economics. Melbourne, Havana: Ocean Press. 2008.
109. Das Erfurter Programme. 1891. <https://www.marxists.org/deutsch/geschichte/deutsch/spd/1891/erfurt.htm>
110. Erlich A. Preobrazhensky and the economics of Soviet industrialization // Quarterly Journal of Economics. 1950. No.64. Pp. 57–88.
111. Friedman M. Old wine in new bottles // The Economic Journal. 1991. Vol. 101. No. 404. Pp. 33–40.
112. Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. No.16. Pp. 3–18.
113. Lange O. On the Economic Theory of Socialism: Part One // The Review of Economic Studies. 1936. Vol. 4. No.1. Pp. 53–71.
114. Leontiev L.A. Political economy in the Soviet Union // Science and Society. 1944 (Spring). Vol. 8. No. 2. Pp. 115–125.
115. Teaching of economics in the Soviet Union (from the Russian Journal *Pod Znamenem Marxizma*) // The American Economic Review. September, 1944. Vol. XXXIV. No. 3. Pp. 501–530.

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

О.И. Ананьин, Д.В. Мельник

Дискурс о рынке в советской политической экономике

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Ерзнкян М.Д.*

Компьютерная верстка *Борицёва И.В.*

Подписано в печать 24.07.2025 г. Заказ №9

Тираж 300 экз. Объем 2,7 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН